

УДК 1:316
ББК 60.023
DOI: 10.46726/Н.2021.4.15

Д. Г. Смирнов

ЭТИКА НООСФЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена аксиологическим аспектам ноосферной безопасности как новой парадигмы этологии человека. Обосновано, что новый технологический уклад спровоцировал формирования клипового мышления и дискретной картины мира. Зафиксирована парадигмальная транзитивность, приведшая к институционализации феномена ноосферной безопасности вслед за техносферной безопасностью. Предложена логика императивистской динамики в отношении цивилизационных этологических принципов. Представлен сравнительный анализ табуирования, заповедования, золотого правила этики, категорического императива. Через призму глобальной этики проанализированы основное моральное отношение, экологический императив и живое право. Рассмотрены базовые ноэтические концепции. Раскрыта этическая природа ноосферного императива. Сделан вывод о ноосферной безопасности как категорическом космопланетарном императиве.

Ключевые слова: ноосфера, ноосферная безопасность, глобальная этика, биосферная этика, категорический императив, основное моральное отношение, ноэтические принципы, ноосферный императив.

D. G. Smirnov

ETHICS OF NOOSPHERIC SECURITY: STATEMENT OF THE PROBLEM

The article is devoted to the axiological aspects of the noospheric security as a new paradigm of human ethology. It is substantiated that the new technological order has provoked the formation of clip thinking and a discrete picture of the world. The paradigmatic transitivity is fixed, which has led to the institutionalization of the phenomenon of the noospheric security following technospheric security. The logic of imperative dynamics in relation to civilizational ethological principles is proposed. A comparative analysis of taboo, commandment, the golden rule of ethics and the categorical imperative are presented. The basic moral attitude, ecological imperative and living law are analyzed through the prism of global ethics. Basic noetic concepts are considered. The ethical nature of the noospheric imperative is revealed. A conclusion is made about the noospheric safety as a categorical cosmoplanetary imperative.

Key words: noosphere, noospheric security, global ethics, biosphere ethics, categorical imperative, basic moral attitude, noetic principles, noospheric imperative.

Проблема «гибридной безопасности» закономерно оказалась в числе критически важных направлений развития науки не только в России, но и в мире в целом в силу вступления цивилизации в эпоху глобальных катастроф [29]. Об этом свидетельствует не только повышенный интерес в проблеме в научном сообществе, но и увеличение срезов или измерений безопасности:

© Смирнов Д. Г., 2021

она рассматривается в планетарном, глобальном, национальном, локальном масштабах; в военном (международном), экономическом, информационном и иных дискурсах.

Предмет исследовательского внимания — феномен ноосферной безопасности [34], понимаемой как системная характеристика социо-природной и социо-культурной сверхсистемы (ноосферы). В центре внимания настоящей статьи — аксиология ноосферной безопасности. Актуальность подобной постановки проблемы «здесь и сейчас» обусловлена запаздывающим характером научно-философской рефлексии на революционные изменения человека, общества, ноосферы как «сферы разума и труда цивилизованного человечества», которые связаны не столько с трансформацией техносреды, сколько с динамикой человеческого качества [33; 26]. Новый технико-технологический уклад, укореняющий тренды макдональдизации, информатизации и цифровизации, усиливает прагматический (технократический) крен в социокультурном развитии, который, в свою очередь, воспроизводится на человеческом субстрате.

В категориальном плане ноосферную безопасность целесообразно определять, с одной стороны, как потребное качество планетарной динамики, а с другой, как сферу hi-hum знания, предметом которой становятся риски и угрозы, вызванные спецификой современного техногенного мышления [8] и дискретным восприятием действительности. Заметим здесь, что ноосоология [35, с. 1274], имеющая похожее предметное поле, «уступает» тезаурусу ноосферной безопасности в системности, ибо ориентирована более на структурный дискурс, нежели на концептуальный. Сверхзадачей ноосферной безопасности является не столько фиксация релевантных рисков и угроз, сколько выяснение их первопричины (системообразующего свойства). Аксиологический срез ноосферной безопасности касается, в первую очередь, этологии человека (человечества), принципов и императивов, которым подчиняется (должно подчиняться) его «глокальное действие».

Парадигмальная транзитивность. Возникновение представлений о ноосферной безопасности следует признать закономерным итогом экологизации и ноосферизации сознания, онтологизировавшихся в конечном счете в цефализацию ноосферы [30], в котором определяющую роль начинает играть информационно-семиотическая составляющая. Ноосферная картина мира [28; 18], детально проработанная структурно и концептуально, дала возможность в соответствующем ключе осмыслить «громадную историю», которая в конечном итоге предстала как ноосферная история [32]. Последняя, в свою очередь, будучи рассмотрена через призму субъективного фактора (человеческого качества) планетарной динамики, привела к формированию ноосферного секьюритологического дискурса.

Очевидно, в том же духе мыслил и Вяч. Вс. Иванов, когда фиксировал «принцип семиотической безопасности». Логика истории вела его от антропного (космологического) принципа к принципу цефализации (историческому), и от последнего к семиотическому (антропологическому) принципу, согласно которому «в истории культуры отбираются те именно системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы» [15, с. 24, см. также 13]. Это хороший пример «аксиоматической» (теоретической) транзитивности, характерный для «логики чистого разума».

«Прикладной» тезаурус изменялся несколько в ином ключе — не от дальнего к ближнему (как от космологического принципа к семиотическому), а от ближнего к дальнему. Ближним (хронологически первым), наиболее

видимым, измерением планетарной безопасности выступила техносферная безопасность (см. напр. [5]). Опасности, заключенные в недрах техносферы, показали себя очевидными для «близорукого» в семиотическом смысле человечества, и стали «врагом номер один». Дальнее измерение, конституируемое атрибутами и модусами родового человека, изредка привлекая внимание наиболее пытливых и прозорливых философских умов, долгое время оставалось в тени. «Идолы» разума и этоса человека так или иначе становились предметом философской рефлексии: достаточно вспомнить идолов Ф. Бэкона или антиномии и императивы И. Канта. Однако, раз став предметом осмысления, они были задвинуты прагматикой профанного бытия в кладовые «дворца разума». Ноосферный поворот, свидетелями которого мы стали, был спровоцирован изменением в соотношении материального и духовного производства, случившемся в XX веке, наглядно продемонстрировавшим как на практике сознание определяет бытие, как нус конструирует технэ [37].

Цивилизационный императивизм: смена парадигм. Проблема ноосферной безопасности с самого начала была проблемой антропологической. Традиция табуирования как запрета на осуществление деструктивных практик, равно как и традиция «заветования» (договаривания, советования) как поощрения приемлемых практик стали отправной точкой секьюритизации социальной жизни человечества. Постепенно они «перетекают» в следующую форму «социокультурного оберегания» — принципов и императивов.

Здесь важно подчеркнуть, что этологический дискурс предполагает обращение не только к поведенческим формам субъектной рефлексии, но и, что быть может даже более значимо, к формам неартикулированного (мысленного) деяния. С точки зрения системного подхода, традиция табуирования имеет ярко выраженный субстратный посыл, она фиксирует субъект-объектные связи между индивидом и другим индивидом (или предметом, «вещью»), в отношении которого запрещено производить определённые действия. Традиция «заветования» отличается ориентацией на возникающее в результате договора (конвенции) системообразующее субъект-субъектное отношение, усиливающейся при переходе к этологической модели принципов и императивов. Такие принципы как например, «относись к Другому так, как Ты хочешь, чтобы Он относился к Тебе», выросшие из заветных форм, наподобие «возлюби Ближнего своего как самого Себя», сохраняют выраженный регулятивный характер. В философской перспективе они во многом соотносятся с гипотетическим императивом Канта, ибо в них превалирует «имплицитивная этология». Подобная логика в принципе не предполагает трансформацию в императивный формат, ибо отправной точкой для разворачивания коммуникативной ситуации оказывается отношение к «себе», которое может иметь целый спектр модусов.

Для Канта в методологическом плане приемлема «эквивалентная этология», которая отождествляет «основание» и «следствие» — индивидуальную максимуму (моральный закон во мне) и всеобщее законодательство. Категорический императив есть формула безусловного отношения к человеку как цели и никогда как к средству. Подчеркнем здесь конъюнктивность формулировки (которая может показаться избыточной), утверждающей истинность всех компонентов логической связки: субъект (индивид) ни при каких условиях средством быть не должен. Камнем преткновения оказался в данном случае внутренний макиавеллизм, решающий проблему соотношения средств и цели противоположным способом, который победил в битве за человека в XX веке.

Моральный закон: посткантианский дискурс. Аксиологическая линия, заданная Кантом, в XXI веке получает свое оригинальное развитие через призму так называемой глобальной этики [1; 11; 17]. Методологический ориентир, господствующий в современной аксиологии удачно и емко, на наш взгляд, зафиксировал Ф. Даллмар: «Жизнеспособная глобальная этика должна быть тесно связана (или дополнена) глобальной политической практикой» [12, с. 14]. Иными словами, глобальная этика выступает значимым фактором устойчивости развития [36].

Прагматический конструкт *очеловечивания человека* действительно востребован современным потребительским обществом, где валидность (актуальность) человека определяется только включенностью его в систему производственных отношений и его успешностью в материальном производстве [2]. Семиотический конструкт *совершенствования человека* выстраивается иначе: значимость человека задается тем, «чем более он полезен для широкого круга интересов общественных, государственных и всего человечества» [22, с. 228], и способен «видеть хоть немного вперед, хоть не везде, а в некоторых частностях» [22, с. 247], что отражает его включенность в систему духовного производства. Эта трактовка имеет одно несомненное достоинство — она демонстрирует связь этического и сознаниевого, что собственно составляет пространство этики ноосферной безопасности.

Таким образом, прагматическая постановка проблемы, учитывая ее «потребительскую» ценность, характерна для социологического и политологического дискурсов, которые (вольно или невольно) руководствуются исследовательской установкой на доминанту *сущего* в анализе. Собственно в философском (морально-этическом) смысле глобальную этику более корректно рассматривать как учение о (всеобщем) *должном*.

Основное моральное отношение. Деонтологическая постановка проблемы имеет под собой серьезные философские основания. Отказ от признания общего в морали (в угоду концепциям, признающим ее партикулярность, а, значит, и ее исходную прагматичность) неизбежно ведет к лишению смысла самого термина «мораль», «ибо, когда мы его произносим, мы имеем в виду не какую-то конкретную систему морали, а то, что сходно в ней со всеми другими моральными системами, то общее, что их объединяет» [9, с. 14]. Включение этического компонента в представления о ноосферной безопасности осуществляется в данном случае через основное моральное отношение, которое задает императивность субъект-субъектных связей в системе «Природа — Человек — Общество».

Основное моральное отношение предполагает теоретико-методологическое разрешение «исходного» противоречия, которое может быть раскрыто через диалектику личного и общественного, цели и средства. Это противоречие снимается формулой «отношения личности к благу общества и к личному благу как к первичной и конечной целям и к их единству как к высшей цели» [9, с. 26—27] или, в другом варианте, «отношения личности к общему благу как к исходной и ведущей цели, к личному благу (своему и чужому) — как к самоцели (то есть не только как к средству) и конечной цели, и к их единству — как к высшей цели (и ценности)» [10, с. 21]. Для иллюстрации Г. Н. Гумницкий использует метафору коромысла, которая в нашем тезаурусе вполне может быть трансформирована в образ канатоходца, идущего над пропастью по тросу без страховки и балансирующего только за счет шеста. Личное и общественное, располагаясь на концах «балансира»,

должны уравнивать друг друга для обеспечения безопасности (устойчивости) двигающегося субъекта, предотвращая его падение. Содержательно основной моральный закон является результатом конвергенции закона коллективности (коллективизма), закона гуманности (гуманизма), закона справедливости [9, с. 31]. С нашей точки зрения, именно основные моральные отношения (основной моральный закон) лежат в основе фундаментальных императивов, определяющих содержание глобальной этики эпохи тотальной неустойчивости [21].

Экологический императив и ноосферное право. Термин «закон», используемый выше как сильный аналог понятию «отношение» отсылает не только ко «внутреннему закону во мне» Канта, но и указывает на выход собственно этической проблематики в проблематику правовую. Проблема здесь заключается в том, что современное право (не только национальное, но и международное) экстраполирует системы правового регулирования техносферы на гораздо более сложные и не поддающиеся прямому (командно-административному) регулированию сферы ноосферного бытия, и тем самым в значительной мере выхолащивают их, создают условия для редукции и деградации [7, с. 247—248]. В этом смысле можно вести речь и о функциональной безопасности ноосферного права как разновидности живого права — системно организованного Всеобщего права, концептом которого является правопорядок, при котором сохраняется опыт коллективного разума, структурой — реальные инвайронментальные общественные отношения, стремящиеся к автотрофности, субстратом — ноосферный человек, создающий новые релевантные формы (см.: [6, с. 191]).

На самом деле основания ноосферного права лежат не столько в юридической, сколько в экологической плоскости, ибо последнее ориентируется на экологический дискурс, который представляет будущее как императив самой природы [25, с. 363]. Экологический императив следует понимать формально как «совокупность условий, нарушение которых будет иметь для человечества катастрофические последствия» [24, с. 247] и, одновременно, содержательно как «сохранение биосферы планеты ... в виде, пригодном для жизни человека, благоприятном для его хозяйствования» [16, с. 333]. Вместе с тем «биосферная этика», к которой можно отнести экологический императив и аксиологию экологического движения в целом, сводится преимущественно к «оставлению природе резервов» [25, с. 363], то есть к сохранению биосферы (в ее современном естественнонаучном понимании). В. И. Вернадский считал ноосферу топосом, где приоритеты и телеологию развития выстраивает научная мысль (знание, информация), а не резервно-энергетические структуры. Именно в этом — ноосферном — ключе должна, с нашей точки зрения ставится проблема разворачивания современной глобальной этики.

Ноэтический императивизм. Проблему ноэтических императивов одним из первых поставил Л. В. Лесков. Он рассмотрел ситуацию имплицитной кризисности самоорганизующейся системы «Природа — Человек — Общество» через призму критериев, определяющих условия устойчивости нооиндустриальной цивилизации, а также требования к процессам эволюционного перехода к этой модели [19, с. 234]. Эти критерии представляют собой систему таких императивов, как императив когерентности, экологический императив, интерактивный императив, космический императив, императив толерантности, императив духовности, антропный императив, императив глобального мышления, императив соборности и антиутопический императив

(см.: [19, с. 235]). В этой концепции ноэтические критерии рассматриваются как инструмент, ориентированный на запрет тупиковых эволюционных паттернов и соответственно определения разрешенного коридора действий, обеспечивающих минимальный риск выхода на эволюционные сценарии, далекие от оптимума» [19, с. 238—239].

Интересна в этом ключе императивистская трактовка, предложенная М. А. Меликян, в которой через призму ноосферности рассмотрен двойной этологический круг, в центре которого находится человек. Дальний ... круг задается системой императивов — гуманистическим, экзистенциальным, нравственным; экологическим, семиотическим; ноосферным. Ближний круг задается моральным, правовым, экономическим категорическими регуляторами [20, с. 121—122]. Предложенная интерпретация звучит в унисон с исходной антропологической установкой ноосферной безопасности. Кроме этого она позволяет рассмотреть в качестве концепта цивилизационной динамики категорический принцип «благо ноосферы (единого космопланетарного тела человеческой цивилизации) — высшая цель, благо человека — конечная цель» [14, с. 45] или, в другой формулировке, «благо ноосферы — высшая цель, благо человека — конечная цель, а их единство — абсолютная цель» [31, с. 321].

Ноосферный императив задает этологические координаты человеческой деятельности, оптимум соотношения материального и духовного производства. В определенном смысле он предстает как категорический прежде всего в силу того, что не имеет условного характера. Конъюнктивный смысл, заложенный в формулировке, подразумевает сильный синтез и взаимозависимость субъекта и его ойкумены (вместе естественной и искусственной среды). Если категорический императив как детище ньютоновской картины мира исходил из предзаданности индивидуальных поведенческих моделей в пространстве между категорическим и гипотетическим (на чем, наверное, и базировалась уверенность Канта в моральном законе), то ноосферный императив как следствие вернадскианской картины мира имеет принципиальный синергетический посыл. Так, конечная цель и высшая цели, будучи разведены в формулировке, могут быть одним и тем же социокультурным, хотя и странным, аттрактором. (Взаимо)соединенность человека и ноосферы здесь имеет не формальный (человек как часть ноосферы), а сущностный характер — человек есть субъективный фактор ноосферы [3], он сам есть свидетельство ноосферы.

Ноосфера в данном случае трактуется как качественно понимаемая «вещь» — система, в которой концептуальное место отводится информационно-семиотическому «току атомов». Человек как субъективный фактор переводит информацию из ноосферы в энергию своей этологии — орудийного и мыслительного поведения. Ноосферность безопасности в нашей системе референций ориентирует на самоподчинение индивида (человека) сознанию, а не бытию [32, 2012], что на практике находит выражение в так называемой ноосферной аскезе [4]. Последняя связана с обеспечением «безопасности разума», с защитой от «безумия разума» [28, с. 83], что, в свою очередь, задается сознаниевыми и мыслительными моделями. Академик А. В. Смирнов, сравнивая две цивилизационные парадигмы мышления (сознания) и бытия — общечеловеческую и всечеловеческую [27], делает выбор в пользу безопасности последней. Общечеловеческая ориентация провоцирует дрейф в сторону унифицированных антропологических (и в первую очередь этологических) практик, чему во многом способствует одномерность техносреды. Всечеловеческость

как регулятив ноосферной безопасности ориентирована на родовые когнитивные практики, обуславливающие социокультурное разнообразие как определяющий фактор антропологической устойчивости.

Заключение. В основании ноосферной безопасности (понимаемой в широком смысле слова) заложен регулятивный и императивный опыт коллективного разума, выкристаллизовавшийся в различных формах — табуирования, заветования, советования, императивов. Ноосферная безопасность, институционализирующая глубинный регулятив всечеловеческой истории, сама по себе может быть представлена как категорический императив настоящего глобальной этики. Так, ноосферная безопасность утверждает в качестве императива установку на сохранение антропологических (когнитивно-семиотических) практик, равно как и предполагает формирование внутреннего регулятива, позволяющего сохранять и совершенствовать (обогащать) антропологическую целостность.

Главной проблемой ноосферной безопасности в рамках нового технико-технологического уклада становится соотношение искусственного интеллекта и естественного разума. Снятие кажущегося противоречия (хотя современная философская мысль, порой, заявляет о реальности этого противостояния) задается принятым и рассмотренным выше тернарным подходом. В этой логике следует вести речь не только о конфронтации естественного разума и искусственного интеллекта, сколько об их коэволюции, что рождает все новые и новые этические вопросы.

Список литературы

1. *Авдеева И. А.* Глобальная этика и локальный эгоизм // *Философия и общество.* 2013. № 1. С. 128—135.
2. *Авдеева И. А.* Глобальная этика для глобального пространства // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2021. № 8 (15). Часть 1. С. 129—131.
3. *Антонов Н. П.* Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // *Человек. Эволюция. Космос. София,* 1984. Кн. 4. Кн. I. С. 93—104.
4. *Артемьева А. А.* Аскеза как антропологическая парадигма глобального экономического сознания // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2020. № 2. С. 89—97.
5. *Бец Ю. С., Попова А. В.* Техносферная безопасность как предмет исследования взаимодействия социума и технических систем // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики.* 2018. Т. 2, № 4 (14). С. 504—506.
6. *Бородин Е. А.* Глобальное правовое сознание: философские проблемы становления ноосферного права // *Ноосферные исследования.* 2015. № 1—2 (9—10). С. 185—195.
7. *Бородин Е. А.* Ноосферное право: философская репрезентация правового глобального сознания // *Теория и практика общественного развития.* 2015. № 20. С. 245—248.
8. *Гиренок Ф. И.* Клиповое сознание. Москва: Проспект, 2016. 256 с.
9. *Гумницкий Г. Н.* Основы этики. Иваново: Ивановский государственный политехнический университет, 2016. 132 с.
10. *Гумницкий Г. Н., Зеленцова М. Г.* Понятие человечности в общей морали // *Философия и общество.* 2008. № 3. С. 20—31.
11. *Гусейнов А. А.* Еще раз о возможности глобального этоса // *Век глобализации.* 2009. № 1. С. 16—27.
12. *Даллмар Ф.* Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм» — «партикуляризм» // *Вопросы философии.* 2003. № 3. С. 13—29.

13. *Дмитревская И. В.* Антропный принцип в ноосферологии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (14). С. 12—26.
14. *Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Ч. I // Ноосферные исследования. Вып. 1. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. 151 с.
15. *Иванов Вяч. Вс.* О выборе веры в Восточной Европе // Природа. 1988. № 12. С. 26—38.
16. *Кормилицын В. И., Цицкишвили М. С., Яламов Ю. И.* Основы экологии: учеб. пособие. М.: Интерстиль, 1997. 368 с.
17. *Лазарова Е.* Доброто дете като модел на универсалната човечност // Етически изследвания. 2017. Бр. 2. С. 134—146.
18. *Лебедев С. А., Панченко А. И.* Ноосферная картина мира // Человек. 2010. № 5. С. 5—18.
19. *Лесков Л. В.* Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М.: ЗАО «Издво «Экономика», 2003. 446 с.
20. *Меликян М. А.* Этология глобального человека // Ноосферные исследования. 2016. № 1—2 (13—14). С. 118—133.
21. *Меликян М. А., Смирнов Д. Г.* Глобальный этос совершенного человека: фило-дискурс основного морального отношения // Етически изследвания. Бр. 2. Кн. 2. С. 215—230.
22. *Менделеев Д. И.* Заветные мысли: Полное издание. М.: Мысль, 1995. 414 с.
23. *Миронова Н. Б.* Ноосфера или этос-сфера: НБИКС-рефлексия глобальной социо-экологии // Вестник научных конференций. 2017. № 3—6 (19). С. 114—115.
24. *Моисеев Н. Н.* Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.
25. *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с.
26. *Романович А. Л., Урсул А. Д.* Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: Жизнь, 2006. 512 с.
27. *Смирнов А. В.* Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра», Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
28. *Смирнов Г. С.* Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3. № 1. С. 57—64.
29. *Смирнов Г. С.* Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 74—91.
30. *Смирнов Г. С.* Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (12). С. 17—30.
31. *Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания // Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
32. *Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.* Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. С. 21—28.
33. *Урсул А. Д.* Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 45—68.
34. *Цветков М. Ю.* Проблемы ноосферной безопасности: системно-синергетический подход // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 (40). С. 353—360.
35. *Akhmadiyeva R. Sh., Ostanin L. M., Ostanina S. Sh., Moiseyev V. O., Chudnovskiy A. D., Shirokikh O. B., Gabdulnova K. G., Badrutdinov M. N.* Noxological approach to environmental protection and human life activity safety: risks of modern dangers // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. Vol 7, No 4. P. 1269—1276.
36. *Dower N.* The nature and scope of global ethics and the relevance of the Earth Charter // Journal of Global Ethics. 2005. Vol. 1, No. 1. P. 25—43.
37. *Smirnov G., Smirnov D.* Cephalization of the noosphere: socio-philosophical aspects // Philosophy and Cosmology. 2019. Т. 22. С. 137—143.